

УДК: 82 (091)

**РЕАЛИИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА И ФОЛЬКЛОРА
В РОМАНЕ Дж. ДАГДЖИ «ОЛАР ДА ИНСАН ЭДИ»**

Панова З. С.

Бурные общественно-политические, социально-экономические события последних десятилетий прошлого столетия – массовое возвращение крымских татар на историческую и этническую родину, развал одной из страшнейших империй Советского Союза, образование на ее территории независимых государств, строительство независимого украинского государства, в составе которого находится Крым, открыли широкие возможности возрождению и развитию культуры крымских татар.

Важную роль в этом играет возвращающаяся порой из небытия литература, которая по тем или иным причинам создавалась за пределами Крыма. В настоящее время известны имена ряда ученых, писателей и поэтов средневековья крымского происхождения, живших и творивших вне исторической родины – в Египте, Сирии, некоторых крупных центрах Османской империи [2., с.6], например, Селим Баба (ум.1756/57) – известный шейх, ордена кадырие, проповедовал на Балканах, автор нескольких суфийских трактатов, поэт; Мустафа Рахми (ум. 1750/51) – ваканювис (придворный историк), автор трудов по истории Османской империи и Крыма, ученый-богослов, поэт; Феррух Исмаил (ум. 1840) – полномочный посол Османской империи в Англии, мыслитель, богослов, ученый, переводчик, поэт; Нузет Мехмед эфенди (1809-1887), журналист, сотрудник первых турецких газет «Таквим-и векаи» («Календарь событий») и «Джериде-и хавадис» («Вестник новостей»), главный секретарь Военного совета, глава Департамента печати Турции, писатель, поэт [3., 5-8]. Это лишь некоторые имена из обширного списка авторов крымскотатарского зарубежья, произведения которых с большим трудом, по крупицам начали возвращаться в свою родную литературную стихию, обогащая культуру своего народа.

Ярким примером этому, может служить «возвращение» на лоно своей родной литературы произведений выдающегося крымскотатарского писателя XX столетия Дженгиза Дагджи, творчество которого началось в довоенном Крыму, а свой полный расцвет получил на чужбине. Одним из первых, значительных и наиболее дорогих сердцу самого автора романов, является «Они тоже были людьми» («Олар да инсан эди») [1]. В романе описываются события, развернувшиеся в конце 20-х – в начале 30-х гг. прошлого столетия в Крыму, в деревне Кызылташ (Краснокаменка), расположенной близ Гурзуфа. Ключевой темой романа является тема денационализации, большевизации, русификации крымскотатарской деревни, выхолащивания, вытеснения

сложившегося в течение многих веков уклада жизни, разрушения основы основ коренного народа полуострова.

Одним из притягивающих внимание исследователя аспектов творчества Дж. Дагджи, и особенно его ранних романов, в том числе и прозаического полотна «Олар да инсан эди» является языковой аспект. Чем вызван наш интерес к языковому аспекту? Тем, что до Второй мировой войны Дж. Дагджи жил в Крыму, писал свои произведения на крымскотатарском языке. Судьба писателя сложилась так, что он пройдя все ужасы войны, плена, жизни в концлагерях, после окончания войны остался на чужбине, поселился в столице туманного Альбиона. Так перед ним стал вопрос: на каком языке писать? Он пробовал писать на крымскотатарском, русском языках. В 1947-48 гг. написал пьесу в трех действиях «Большая ложь», перевел на турецкий язык, отправил в Стамбул, в издательство «Варлык» [1]. Пьеса так и не вышла в свет. Но Дж. Дагджи не унывал, потому что у него уже был небольшой опыт по турецкому языку. В последние годы войны он начал писать роман «Садыкь Тураннын хатыралары» («Воспоминания Садыка Турана»). Роман был написан на крымскотатарском языке.

В 1951 году ему из Турции прислали небольшой поэтический сборник. Язык поэтического сборника был турецкий, но очень похожий на язык крымских татар из Южного берега Крыма. Окрыленный этим фактором Дж. Дагджи заново переписывает, по возможности на турецком языке «Воспоминания Садыка Турана», который позже трансформировался в романы «Кьоркьунч йыллар» («Страшные годы») и «Юртуны гъайып эткен адам» («Человек, потерявший родину») [1]. Выбор языка для своих будущих произведений имел принципиальный характер. Потому что «он знал, что, будучи написаны на крымскотатарском, его книги никогда не дойдут до его земляков, которые уже были на чужбине (т.е. в местах депортации – З.П.). И он стал писать свои произведения на турецком языке, надеясь таким образом выйти на более широкий – не только на турецкоязычный, но и шире – тюркоязычный – круг читателей» [4]. Бесспорен факт, что он искал выход на «тюркоязычный круг читателей». Однако нам представляется, что Дж. Дагджи руководствовался при выборе языка для своих произведений более приземленной, практичной мыслью, а именно ориентировался на широкий читательский круг многомиллионной крымскотатарской диаспоры, проживающий в Турции, Германии, Америке и других странах, для которых турецкий язык был вторым родным языком.

Вообще, в европейской, также в русской литературе, и литературах ряда народов, можно встретить такое явление, когда «писатель, сохраняя свой национальный менталитет, пишет не на родном языке» [5]. Русский писатель В. Набоков писал свои произведения на русском и английском языках. Испанец Хорхе Семпрун писал на французском, украинец Н. Гоголь – на русском, крымскотатарский писатель Э. Амит на русском языке. Этот список можно продолжить, однако вернемся к Дж. Дагджи. Так в чем же заключается языковой феномен Дж. Дагджи? Как отразились реалии крымскотатарского языка в его творчестве, в том числе в исследуемом нами романе «Олар да инсан эди»? Надо отметить, что «крымскотатарский язык не дан в его творчестве в его прямом наблюдении – он отражен в зеркале турецкого языка. Однако,

пристальный взгляд исследователя обнаруживает специфические для крымскотатарского языка лексико-фразеологические и стилистические категории» [5]. В романе «Олар да инсан эди» наблюдается такой пласт ономастической лексики, как антропонимы, т.е. собственные имена людей – характерные для крымских татар мужские имена: Бекир, Сеидали, Энвер, Ремзи, Эреджеп, Асан, Селим, Сабри и др.; женские имена: Эсма, Айше, Земине, Эмине и др., некрымскотатарские собственные мужские и женские имена: Василий Дмитриевич Егоров, Кавакян, Леви, Анюта и др.; также прозвища людей, характерных для южнобережных татар Крыма: *Комшу* Мустафа, *Шабан* Музаффер, *Чирак* Сулейман, *Карамирза* Асан, *Кашка* Усеин, *Кираз* Эбубекир, *Софу* Джкемиль, *Балтаджи* Асан, *Бекташ* Нури, *Зембильджи* [б., с. 389], Осман *Леблеби*, *Куришун* Вели, Осман *Пармаксыз*, Чобан Сеидали, Амет *Кырык* [б., с. 417] (выделено нами – З.П.); зоонимы, т.е. собственные имена (клички) домашних животных: Мачик – не поддающееся переводу кличка коровы:

– *Айды, Мачик, айды... Ёлынъ ортасында такъаттан кесильме шимди. Орталыкъ къарармадан эвге барып чыкъсакъ, санъа аферин айтаджагъым!..*

(– *Ну, Мачик, ну... Нынче на полпути не обессиль. Я похвалю тебя если до темна дойдем домой!..* [б., с. 7] (тут и далее перевод наш – З.П.).

Актабан – Белая Пятка – кличка коня Чилингира; Чалдюльбер – Седой Красавец – кличка коня Бекира, в день свадьбы Айше подарил его своему зятю Ремзи:

Мен Акътабанны сатмайджам, Бекир агъа, сатмайджам! Мен Акътабанны санъа бедава береджем, бедава

(*Я не буду Актабана продавать, Бекир-ага, не буду продавать. Я бесплатно отдам тебе Актабана*) [б., с. 326];

Ремзининъ инджиргъа багълы аты – Чалдюльбер, къулакъларыны къыскъан, кетиледжек ёлгъа бакъмакъ истемеген киби, аркетсиз турмакъта эди.

(*Привязанный к инжиру конь Ремзи Чалдюльбер, прижав уши, стоял без движения, будто он не хочет смотреть на предстоящую им дороге по корой предстоит ему*) [б., с. 259].

Урумчик – Маленький Грек, так звали собаку Энвера:

Энвер копекке якъынлашты, ятыштырмакъ истеди:

- *Сус, урумчыкъ, бошуна афырма, сесинъ кесилир, сус!*

Энвер подошел к собаке, хотел ее успокоить:

- *Молчи, Урумчик, не лай впусую, голос сорвешь, умолкни!* [б., с. 235].

В романе встречаются макро- и микропонимы, т.е. названия больших и малых населенных пунктов такие, как Акмесджит (Симферополь), Ялта, Гурзуф, Дегирменкой, Кызылташ; названия кварталов: Каршы маалле (в Кызылташе) и др., названия источников: Топузлычешме; названия гор: Романкош, Аюдаг, Чатырдаг; названия скал: Кушкая, Топкъая, Келинкая; название ущелий: Мемишининъ Дереси (Ущелье Мемиша), холмов: Тубья Тёпелери (Холмы Тубья) и др.

Также в романе встречаются фразеологические единицы, пословицы, поговорки, отрывки из народных песен, и др.

Фразеологические единицы:

Н-р: *ёл тутмакъ* – Кунеш акышамның *ёлуны тутты* (Солнце начало клониться к вечеру) [б., с. 10];

баш урмакъ – Мен бу акышам кене де Сеидалиге бир *баш урайым* (Все-таки сегодня вечером мне надо зайти на минуточку к Сеидали) [б., с.];

бетине чамур атмакъ – Адамның бетине эр кунь *чамыр атасынъ* (Каждый божий день кидаешь грязь в лицо человека) [б., с. 103];

ана-баба куню – Койде *ана-баба куню*. Рус аскерлери койни сардылар (В деревне судный день. Русские солдаты окружили деревню) [б., с. 239];

тилини тишине багъламакъ – Ох,ох! Бекир ат алгъан, бакъ сен оны! Кимден алды аджеба? Бунджа вакъыт *тилини тишине багълады*, бир шей айтмады. Бельки мен сатарым (Ох,ох! Бекир купил лошадь, ты посмотри на него! Интересно, у кого же он купил? Столько времени ничего не говорил, словно в рот воды набрал) [б., с. 291];

агъзынъы ачмакъ – Аферин! *Агъзынъы ачын*, анавы эсли-башлы адамгъа кършы кеткен олсанъ, тизлеринъни кърардым (Молодец! Но если ты раскрыв рот пошел бы супротив старшего, я сломал бы тебе ноги) [б., с. 305];

козь кьоймакъ – Ихтияр башыны котерди, Энвернинъ козылери ичине бакъты: «Иван сангъа да козь кьойды, деп беллейим. Фена заманда келеджек гъалиба» (Старик поднял голову, посмотрел прямо в глаза Энвера: «Думаю, что Иван положил на тебя глаз. В тревожное время может появиться») [б., с. 383] и т.д.

Пословицы и поговорки:

Огълан олсун, кьыз олсун эли-аягъы тюз олсун – Огълан олсун, кьыз олсун эли-аягъы тюз олсун! Рум богъадан зенгин олды, деп Аллахкъа мангъа да богъа Бер, деп эмир этмезсинъ, эбет (Мальчик ли родиться, девочка ли, не важно. главное чтобы здоровыми были. Грек разбогател из-за своего быка, что поделаешь, ведь Богу не прикажешь, чтоб дал мне быка) [б., с. 10];

Чокънынъ дерти чокъ олур, азнынъ дерти даа чокъ олур – Аллах тек бир Дане беда бизге... Айды, Мачик, айды... Чокънынъ дерти чокъ олур, азнынъ дерти даа чокъ олур (Аллах дал нам дал дочь... Ну, Мачик, ну... У большинства и забот больше, а у меньшинства забот еще больше) [б., с. 11];

Агърымагъан башкъа дерт арамакъ – Агърымагъан башкъа дерт арайсынъ. Бекир! Ким келеджек де, ким аладжакъ тавукъны? (Что же ты, Бекир, паникуешь на пустом месте! Кому нужна твоя курица?) [б., с. 199];

Башымыз устюнде еринъ бар – Деме ойле, Бекир агъа! Башымыз устюнде еринъ бар, кель, буюр! (Не говори так, Бекир-ага! Двери для тебя всегда открыты, идем, проходи!) [б., с. 216];

Языкъ, языкънынъ устюне бир къазыкъ – Языкъ, языкънынъ устюне бир къазыкъ! Унут, Бекир агъа! Амма да дерт булдынъ кендинъе. (Жалко-то жалко! Забудь, Бекир-ага! Нашел над чем переживать.) [б., с. 217];

Татарнынъ акъылы чарыгъында – Яхшы амма, чарыкъсыз даа да яхшы юрюлир. Не десенъ де, татарнынъ акъылы чарыгъында. (Хорошо, но по ней без лаптей идти еще хорошо. Но что поделаешь, ум татарина сокрыты в его лаптях.) [б., с. 278];

Къаргъа къаргъанынъ козюни оймаз – О къаргъа исе, мен де къаргъа. Къаргъа къаргъанынъ козюни оймаз, анълашырмыз (Если он ворон, то и я ворон. Ворон ворону глаз не клонет, договоримся.) [б., с. 304];

Бедава атнынъ тишлерине бакъылмаз – Бедава атнынъ тишлерине бакъылмаз. Яхшы да олса ашайджакъмыз, яман да олса! (Даренному коню в зубы не смотрят. Хорошо ли, плохо, все равно съедим!) [б., с. 333];

Саба ола, хайыр ола – Саба ола, хайыр ола, деп союнды. Бираздан сонъ ... башы агъырлашты, юкълап къалды. (Утро вечера мудренее, подумал он. Разделся, лег, через некоторое время голова отяжелела, и он заснул.) [б., с. 339] и т.п.

Дж. Дагджи для передачи настроения, душевного состояния своих персонажей широко использует крымскотатарский песенный фольклор. И-р, чтобы показать зародившуюся любовь в сердце Айше к сыну чабана Ремзи, автор вкладывает в уста своей героини отрывки из народной крымскотатарской песни «Обана»:

*Обана, балам, обана,
Верме къызынъы чобана.
Къызынъы версенъ чобана,
Сокъар башыны тобана
.....
Къарабаш къозум туз истер,
Чобан агъам къыз истер.
Къарабаш къозуя туз ёкътыр,
Чобан агъама къыз ёкътыр.* [б., с. 20]

Или же куплеты из популярных по сей день народных частушек – мане:

*Къая тюрю саз олур,
Гуль ачарса яз олур,
Мен санъа гуль деялмам,
Гульнинъ омрю аз олур.
.....
Къая къаяя бакъар,
Къаядан селлер акъар.
Сырма мыйыкътургъанда
Сакъаллыя ким бакъар?* [б., с. 41];

Чтобы подчеркнуть приподнятость настроения главного героя своего романа Дж. Дагджи использует шуточную народную песню о маленьком мышонке.

*Аман, эй!
Корьдинъизми сычанны,
Рафтан долабкъа къачкъанны,
Элинде мысыр къочаны,
Бостанджы олгъан бу сычан.
Ай, сычан, вай, сычан,
Эки козю кёр сычан,
Балемезнинъ балына*

Далар чыкъар бу сычан.

.....

Аман, эй!

Бизим сычан эвленеджек,

Тахта бити къыз вереджек,

Сюйрюсенек саз чаладжакъ,

Пирелер къалкъып ойнайджакъ.

Ай, сычан, вай, сычан,

Эки козю кёр сычан,

Балемезнинъ балына

Далар чыкъар бу сычан [б., с. 314-315].

Также в романе были использованы отрывки из народных крымскотатарских песен «Акътабан» [б., с.324], «Алим» [б., с.434], песни, появившиеся в 30-е годы прошлого столетия, в частности в период коллективизации и раскулачивания [б., с. 387; 390; 402].

Дж. Дагджи в романе «Олар да инсан эди» широко использует характерные для крымскотатарского языка приемы речевой изобразительности. В используемых им тропах – сравнениях, метафорах, эпитетах, гиперболах и др. находят свое четкое, мы бы сказали выпуклое отражение реалии крымскотатарского языка, его богатейший арсенал.

Известно, что троп в греческом языке обозначает оборот, т. е. употребление слова в переносном (не прямом) его значении для характеристики какого-либо явления при помощи вторичных смысловых оттенков, присущих этому слову и уже непосредственно несвязанных с его основным значением. Поскольку характеризуемое явление также обозначено словом, постольку троп представляет собой в принципе двухчастное словосочетание, в котором одна часть выступает в прямом, а другая в переносном значении. Простейшим примером такого построения является сравнение [7., с. 427]. В сравнении одно явление или понятие проясняется путем сопоставления с другим явлением, и при перенесении значения с одного явления на другое сами эти явления не образуют нового понятия [7., с. 471]. «Адамгъа бакъты, ченьгелери, юмруклары сыкъылды; бети зельзеле геджеси яйля устюнде топлангъан булутлар киби къарарды, явузлашты» (Он посмотрел на этого человека, скулы, кулаки сжались, лицо почернело, ожесточилось, словно собравшиеся тучи над яйлой в ночь землетрясения) [б., с. 365-366]. Представление о черноте и ожесточенности туч вызывает у читателя то тягостное ощущение, которое соответствует в данный момент состоянию Бекира. Автор значение понятия «черные тучи» переносит во внутреннее состояние персонажа. Для того чтобы сопоставить какие-то явления или понятия, автор зачастую прибегает к развернутым сравнениям: «Тахта вализлери устюнде, сыртларыны пармакълыкларгъа таяндыргъан, башлары къырмызы мендиллернен багълы, къалын памукъ пальтолы, чатляяджакъ дереджеде шимман ве къырмызы янакълы, хамур текнелери киби кениш вуджутлы къадынлар, агъызлары ягълы машиналар киби, токътамадан куньайлан урлугъы ашап, къабукъларыны аякълары арасына тюкюрмекте эдилер». «Чувал киби бол ве узун кольмеклерининъ ичинде къалын кемикли, аювлар киби агъыр аркетли ...

сибриялылар; эзильген торгъайлар киби пис тырнакълы, ялынаякъ руслар, себзе шорбасы киби бири-бирине къарыша, къайнай, фыкъырдай ве рус къокъуй эди): (На деревянных чемоданах, прислонившись спиной к решеткам, в красных платках и толстых пальто сидели краснощекие, полные, словно чаны для теста женщины, которые как смазанные маслом машины непрерывно щелкали семечки, выплёвывая шелуху себе под ноги). ([Поодаль сидели] наряженные в свои как мешок свободные и длинные рубахи, малоподвижные как медведи, сибяряки; [все они] как овощи в супе, смешиваются друг с другом, кипят, булькают в и пахнут русским) [6., с. 327-328]. Здесь с помощью развернутого сравнения, также описательного сравнения Дж. Дагджи передает мрачную внешность и краю бескультурье российских переселенцев, зачастую при этом используя союз «киби» (как; словно).

Изучение речи художественных произведений многоаспектно: оно включает в себя вопросы поэтической семантики (в том числе иносказательности) речи, ее интонационно-синтаксического и ритмического своеобразия. В силу своей практической важности все эти вопросы были предметом пристального внимания еще в «донаучный», в строгом смысле слова, период развития литературоведения, им отводилось много места в различных «поэтиках» и «риториках». Проблема иносказательности художественной речи (словесной образности) затрагивается уже в «Поэтическом искусстве» Аристотеля, различавшего виды метафоры, которые впоследствии получили каждый свой термин (метонимия, синекдоха [8., с.208]).

Метафора есть вид тропа, в котором отдельные слова или выражения сближаются по сходству их значений или по контрасту [7., с. 208]. Аристотель дает такое определение метафоре: «Метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или вида на вид, или по аналогии» [9., с.211]. В романе Дж. Дагджи часто встречаются метафоры образованные по принципу:

олицетворения: «Денъизден кельген рузгяр... Бекирнинъ терли манълайыны охшай» (Пришедший с моря ветер, целует вспотевший лоб Бекира) [6., с. 185]; «Ёл шимди юзьлердже инсанынъ эллери, аякълары, токъмакълары алтында инъледи, агълады, хырпаланды, яраланды» (Дорога нынче под руками, ногами сотен людей, под ударами кувалд *стоит, плачет, растрепалась, изранилась*) [6., с. 307].

овеществления: «...Дагъларнынъ къуришун учурумлары кунеште къызынмакъталар» (Свинцовые пропасти гор грелись на солнце) [6., с.363];

отвлечения: «Дюнъя къадар ёл юрьдим. Кунеш де бугунь адамакъбыллы якъты» (Очень много ходил. И солнце, сегодня, сильно припекло) [6., с.25]; «Къара кунни де девирисинъ, къоркъма!» (Не бойся, ты и черный день сможешь перевернуть!) [6., с. 55] и т.д.

При этом в роли метафор автор использует различные части речи: глагол, существительное, прилагательное.

Из всего вышесказанного следует вывод о том, что, рассматривая проблему словесной образности романа Дж. Дагджи мы лишь обозначили отправную точку дальнейших исследований. Потому что, не только данное произведение, но и все творчество писателя, оставаясь богатейшим источником изучения крымскотатарского языка, является уникальным литературным объектом

исследований взаимодействия, взаимопроникновения и сосуществования реалий крымскотатарского и турецкого языков.

Литература

1. *Gülşen Güngül*. Gurbette Hasreti Tüketmek: Cengiz Dağcı'dan Mektup // Türk Edebiyatı.- 1988. - №291. - s.15-18.
2. *Gülşen Hayalları*: Orta çağ Qırımtatar klassik edebiyatından [Грезы розового сада: из средневековой крымскотатарской классической поэзии] – (Сост., предисл. Комментарии Н.Абдульваапа). – Симферополь: «Сонат». – 1999.
3. *Абдульваап Н.* Крымские татары в общественно-политической жизни Османской империи // Научный бюллетень (Орган НИЦ «Руконисная книга при кафедре крымскотатарской и турецкой филологии Крымского государственного инженерно-педагогического университета»). - 2003. - №2.
4. *Эмирова А.М.* Дженгиз Дагджи – сын Крыма. // Голос Крыма. -- 1994. – 5 марта.
5. *Эмирова А.М.* Феномен Дженгиза Дагджи. // Голос Крыма. – 1995. – 8 декабря.
6. *Dağcı C.* Onlar da insandı.Roman. – İstanbul.: Ötüken, 1997. – 448 с.
7. *Словарь* литературоведческих терминов. [Ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.И. Тураев]. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
8. *Введение* в литературоведение. Хрестоматия: учебное пособие для ун-ов/ Николаев П.А., Руднева Е.Г., Хализев В.Е., Чернец Л.В.: Под ред. П.А. Николаева. – М.: Высшая школа, 1979. – 300 с.
9. *Аристотель*. Об искусстве поэзии / в кн. Введение в литературоведение. Хрестоматия: учебное пособие для ун-ов/ Николаев П.А., Руднева Е.Г., Хализев В.Е., Чернец Л.В.: Под ред. П.А. Николаева. – М.: Высшая школа, 1979. – 300 с.
10. *Панова З.С.* Творчество Дженгиза Дагджи В зеркале современной крымскотатарской литературы.- Симферополь: «Культура Народов Причерноморья».-2004.-№

Статья поступила в редакцию 20.03.2005